

Шикерина Ангелина Евгеньевна

студентка

Матвеев Олег Владимирович

д-р ист. наук, профессор, профессор

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

ТРАДИЦИОННЫЕ ТИПЫ ВЕЛИКОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛГОРОДЧИНЫ (XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX вв.)

***Аннотация:** в данной статье рассматриваются традиционные типы великорусских и украинских поселений территории Белгородчины (XVII – первая половина XIX вв.). В современной науке все больший интерес направлен на изучение традиционной культуры предшествующих поколений, которая является необходимым элементом формирования взглядов подрастающего поколения. Именно популяризация традиционных взглядов крестьян (XVII – первой половины XIX вв.), их ценностное отношение к жилищу, поселению и Родине в целом, формирует у читателей бережное отношение к своей истории, семье и семейным ценностям.*

***Ключевые слова:** традиционные типы поселений, однодворцы, цуканы, великороссы, хата, заготовки для строительства, священные черты жилища, система взглядов, православный календарь.*

Процесс формирования этнокультурного пространства Белгородчины уходит своими корнями в первую половину XVI вв., когда в регионе происходило активное освоение и заселение выходцами из Центральной России и правобережной Украины [1].

На актуальность изучения данной темы указывает необходимость адаптации и переработки научного материала для подготовки и проведения уроков истории с краеведческой тематикой. Обязательность включения тем регионального компонента прописано в ФГОС и историко-культурном стандарте.

Объектом данной работы выступает комплекс поселений русских и украинских крестьян на территории Белгородчины (XVII – первая половина XIX вв.).

Для предметного рассмотрения традиционных типов поселений, необходимо решить ряд поставленных задач:

1. Рассмотреть историю заселения изучаемого региона с момента создания Белгородской засечной черты.
2. Изучить особенности жизни и черты характера первых поселенцев.
3. Выявить особенности формирования этнокультурных взаимоотношений крестьян и их роль при формировании образа первых поселений.

Для решения поставленных задач необходимо проработать такие *источники*, как материалы фольклора, записки помещиков о крестьянах, но наиболее подробного рассмотрения и изучения требует «Этнографическое бюро» князя В.Н. Тенишева, который был озабочен судьбами России и концептуально доказывал, что изучение и знание жизни народа является важным для управления обществом и государством [8, с. 4–5].

Стратегия изучения данной темы заключается в рассмотрении традиционных типов поселений, как отдельный элемент материальной культуры быта крестьян Белгородчины.

Рассмотрение истории формирования традиционных поселений и жилищ крестьян следует начинать с изучения предшествующего этапа, который связан с историей заселения Воронежского края, в состав которого входила современная Белгородчина. Таким образом, при рассмотрении истории изучаемого нами региона, необходимо обращаться к материалам Центральной Черноземной области до 13 июня 1934 года, т.е. до момента деления территории на Воронежскую (с 89 районами) и Курскую область, в состав которых входят современные поселения Белгородской области [5].

Процесс освоения изучаемой территории связан с постоянными набегами со стороны кочевников, которые не только истощали земли Воронежского края, но и препятствовали формированию оседлого образа жизни населения. Следы

данных набегов можно подтвердить многочисленными курганами (сторожевые, могильные), которые встречаются на территории Воронежской области.

Названия рек Воронежской области также имеют тюркское происхождение – Хопёр, Усмань. Существует предание, что река Усмань происходит от татарского слова «красавица», тем самым получила развитие легенда о красивой татарской девушке, утонувшей в данной реке [6].

На протяжении XIV–XV веков, от полученных разрушений и обнищания земель, Воронежские территории получили название Дикого поля, а само население искало защиты у Рязанского княжества.

Первые постройки и заселение городов, нескольких после этапов восстановления, начинается с конца XVI века, с момента возведения Белгородской пограничной черты. Первыми поселенцами для защиты сооружений, были служилые люди, которые селись по сторожевым пунктам преимущественно в северных уездах Воронежской губернии для наблюдения за передвижением татар. Немного позднее (эти служилые люди будут именоваться однодворцами, которые по своему численному составу превышали количество великороссов. Однодворцы в статье о локально-этнографических группах в составе южнорусского населения Воронежского края представлены как сословная этнокультурная группа южнорусских населений, потомки которой были военно-служилыми людьми низшего разряда (стрельцы, пушкар и др.). На территории Воронежского края поселения однодворцев можно было встретить в северо-западной его части, где располагались сёла Никольское, Приваловка, Верхняя Хава, Спасское, Чертовицкое, Усмань-Собакино, Курино, Рогачевка, Камышино, Ступино и другие) [3, с. 86–87].

Тяжелые условия военной службы, которую несли первые поселенцы Воронежского края, нанесли свой отпечаток не только на их характер, но и на уклад их жизни. Так, например, можно отметить, что грубость, суровость и склонность к бродяжничеству являются основными чертами однодворцев. Именно за эти черты более поздние поселенцы дают своеобразные клички однодворцам. В Коротоякском и Воронежском уездах однодворцы получили прозвище талагаев – за

грубость в быту и в характере, а на юго-востоке в районе Нижнедевицкого уезда всё за те же черты однодворцев называют галманами.

Со второй половины XVIII в., когда опасность в виде татарских набегов миновала, на территорию края начинают появляться новые категории населения – мирные жители, они составляют меньшую половину населения, к которым относятся монастырские крестьяне и помещичьи крестьяне. Именно эта категория населения относится к более поздним поселенцам края.

Отличительной чертой новых поселенцев был говор: (вместо ч-ц), что очень отличалось от произношения однодворцев, за что последние и прозвали приезжих цуканами. В Нижнедевицком и Землянском уездах данное прозвище новопоселенцев трактовали по-своему: «чукавый» – «цукавый» – в смысле хитрый. Цуканы отличались от однодворцев не только манерой произношения. Так, например, цуканы отличались менее консервативным настроем, с лёгкостью принимали нововведения, знакомы были с разными ремёслами и промыслами [7, с. 12–13].

Термин «цуканы» встречается в статье А.З. Винникова, В.И. Дынина, Толкачева С.П. «Локально – этнографические группы в составе южнорусского населения Воронежского края». В данной статье цуканы представлены как этнотерриториальная группа, которая входила в состав южнорусского населения, которая различалась и по сословной категории: в XIX – начале XX века. Цуканов относили к разрядам помещичьих и монастырских крестьян. В пределах Воронежского края (по данным исследователей XIX – начала XX века Н.И. Второва, А.М. Путинцева, Д.К. Зеленина) цуканы проживали компактной массой в бассейне р. Хворостань: села Московское, Можайское, Коломенское, Каширское, Новоклинское, Верейское, Мосальское, Дорогобужское, Одоевское, Левая Россошь (в пределах Воронежского уезда); Копанище, Тресоруково, Марьино, Почепское, Рождествено, Олень-Колодезь, Дракино, Давыдовка, Солонцы, Борщево (в пределах Коротоякского уезда) [3, с. 87–88].

Однодворцы и цуканы заселили северные части губернии. Южные уезды были заняты украинцами, они подобно однодворцам были военными

первопоселенцами – черкасами, их также порой селили и в северных уездах Воронежской губернии.

Кроме славянского населения, на территории губернии оседали немцы, которые в 1766 году основали колонию Рибенсдорф. Так же, помимо русских и украинцев, которые доминировали в регионе на рубеже XIX–XX веков (более 99,6%), население края имело отдельные уезды с значимыми меньшинствами, которые преобладали в отдельных уездах: белорусы составляли наибольшую долю в населении Бирючинского (0,50%) и Корочанского (0,28%) уездов; цыгане – Валуйского уезда (0,13%). Всего в регионе количество белорусов составляло 1,6 тыс. человек или 0,13%, евреев – 0,9 тыс. человек, 0,08%, поляков – 0,9 тыс. человек, 0,07%, цыган – 0,5 тыс. человек, 0,04%, немцев – 0,3 тыс. человек, 0,03% [1, с. 51–52].

Таким образом, пестрый этнический состав населения с его особенностями, играл важную роль при формировании традиционного вида жилища крестьян. Общим у многих крестьян было особое осознание важности этапов строительства жилища, которое характеризовалось трепетным отношением к учету всех особенностей подбора материала и места постройки. Все эти важные знания передавались из поколения в поколение.

Вопрос о строительстве деревни играет важную роль при формировании картины края, этот вопрос в своей статье от 1929 года поднимает И.В. Валукинский [2, с. 17]. К первой причине строительства деревни он относит зависимость человека от этнографических групп.

На первых порах освоения Воронежского края, в образе жилищ можно заметить взаимовлияние в развитии строительства великоросской избы и украинской хаты. Великорус строил избу, сенцы и клеть, а украинец – хату, синцы и комору.

Ко второй причине строительства первых деревень в крае автор относит естественные богатства. Заселение северной и южных частей губернии связано с водными ресурсами, к которым автор относит глубину залегания подземных вод

и наличие рек. Именно реки преобладают в северной части губернии, которая заселена великоруссами, а селения украинцев можно встретить у колодцев.

Материалами для постройки жилища в крае являются глина, песок, мел, камень, солома и навоз.

По данным 1913 г., число селений на один уезд, в которых выявлен явный недостаток глины составляет 33 населенных пункта. Камнем обеспечены 87 селений, мелом – 167, песком – 234, тощей глиной – 204 селения, жирной глиной – 229.

Селения великоруссов в большей степени нуждаются в ресурсах мела, при этом камня в их районе проживания имеется в достатке. В селениях украинцев проблема недостатка мела отсутствует, поэтому ее используют не только как побелку, но и на этапе закладки постройки.

Типы планов селений были разными:

- 1) вытянутые – вдоль реки или дороги;
- 2) рядовые – с рядом параллельных улиц и переулков;
- 3) гнездовые – скученные, все улицы идут от центра в разные направления.

К самым ранним и наиболее часто встречающимся относятся селения, протянувшиеся вдоль рек. Селения, протянувшиеся вдоль путевых дорог строились в основном для удобства проезжающих, не по желанию самих поселенцев, а по принуждению в пору Петровских преобразований. Гнедовой тип селений преобладал в районе старых сторожевых пунктов [2, с. 18].

Этнографические различия в традиционных поселениях легче увидеть при рассмотрении плана жилища. «У великороссов это была усадьба, которая состояла и двора, гумна и усадебного огорода; иногда в усадьбе был и сад. Расположение усадьбы шло вглубь от улицы: на улицу выходила изба широкой стороной; иногда изба располагалась в задней части двора. Ворота выходили на улицу, а к воротам, охватывая двор, располагались сараи. Скоту отводили место в углу двора или в надвороке. В задней части двора – гуменные ворота, на гумне – рига или колосник и «одонья». Бани встречались редко, их чаще всего строили на улице или за усадьбой у реки, возле пруда, или на огороде» [2, с. 18].

У украинцев двор был поделён на две части: на чистый и скотный. Хату строили таким образом, чтобы узкая её сторона выходила на улицу. Отличительной чертой украинских жилищ было меньшее количество хозяйственных построек.

План застройки жилого помещения великоросса и украинца весьма отличался. Изба великоросса имела следующую планировку: от двери слева – передний угол, к нему вдоль дверной стены коник, в углу стол, по стене от переднего угла к заднему идет длинная лавка. Помост для сна располагался в заднем левом углу пола, а в правом заднем углу была печь, которая занимала от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{8}$ от всей площади избы. Печь устьем – к дверям, а между печью и дверной стеной судняя лавка, полка для хлеба и посуды. Иногда в углу располагался шкаф. Полы чаще были земляные, но встречались и деревянные [2, с. 19].

Вид украинской хаты имел ряд особенных отличий. Для начала следует отметить, что преимущество залежей мела, в украинских селениях, о котором говорилось ранее, сыграл свою роль при создании внутреннего и внешнего отличительного облика украинской хаты. Этой особенностью были плетенные обмазанные трубы, которые сочетались с полной побелкой хаты.

При сравнении украинского и великорусского жилища следует отметить, что у украинцев слева в дальнем углу передний угол называется покуть, а вдоль оконной и задней стены находились лавки и диваны. Печь занимала от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{12}$ площади хаты, а у самой печки делали труб. Между печкой и задней стеной пола делали помост. В хате украинца полы были глинобитные или деревянные.

Дом, в понимании крестьянина, был наделён священными чертами, поэтому строительству жилища предавали особо важное значение: выбор места и строительных материалов был основан на определённых поверьях, и даже некоторых запретах, которые коренились в сознании человека [4, с. 43].

В основе постройки жилища чаще использовали дерево, с которым у русского крестьянина было множество священных представлений. Запрет на использование деревьев налагался в следующих случаях: если дерево выросло на месте разрушенной церкви, часовни или могиле. Никогда не поднимали топор на

чем-либо отличающиеся деревья, будь то красотой или наоборот – уродством, к примеру деревья с раздвоенным стволом, которые получили название «воротца» также находилось под запретом для вырубки и последующего использования. Крестьяне не трогали липу, т.к. существовало поверье, что можно заблудиться, а старое дерево должно умереть своей смертью, а тот который это нарушит, может тронуться рассудком, стать калекой или внезапно умереть. На этапе строительства важно заметить, чтобы дом не лежал на сухих деревьях. Понятие «сухость» – означало болезнь, если в срубе дома оказались обезжизненные сухие деревья, то обитателей дома ждут болезни. Опасались использовать дерево с пазом внутри ствола, которое могло повлечь смерть хозяина дома [4, с. 43].

Заготовку дров для строительства необходимо было начинать строго после Троицы, а до этого дня запрещалось даже ломать ветки. В старых актах XVII века были закреплены правила по отбору материала для строительства: «...а в избу и в клеть класть нам лес сосновый, добрый, не гнилой, не суковатый и не коневатой и не губастой».

Важно для крестьянина было и выбрать место для будущего жилища, обычно для этого пускали рогатый скот – где ляжет, значит там добротное место, ведь рогатый скот символизировал плодородие и богатства. Следует отметить, что этот способ встречается не только у русских крестьян, которые также следили, чтобы выбранное место не было связано с какими-либо несчастными случаями (удар молнии, пожар).

Строительство дома начинали ранней весной, в Великий пост, т.к. в традиционном календаре последняя неделя Великого поста считалась началом нового года. Хозяин будущего дома должен был так распределить время, чтобы застать праздник Троицы, ведь поговорка гласит: «Без Троицы дом не строится».

Подводя итог, следует отметить, что существовала особая система взглядом на строительство жилища, сам образ дома имел как схожие, так и отличительные черты у русского и украинского крестьянина, но не смотря на все различия, дом считался священным. Посмотрев на современные постройки в сёлах Белгородской и Воронежской областей, можно отметить, что синтез двух культур создал

отличительный, своеобразный тип жилых построек. Взаимовлияние отразилось не только на элементах материальной культуры (дом, утварь, костюм), но и сформировало целый комплекс духовно-нравственных особенностей населения. Так, например, показывая уважение к своему дому, к месту, где принимают пищу, в селах современной Белгородской области говорят: стол – это престол, тем самым запрещая бить о стол или оставлять мусор. Подобные примеры говорят об удавшемся культурном обмене ценностей русских и украинских крестьян Белгородчины (XVII – первая половина XIX вв.).

Список литературы

1. Бубликов В.В. Формирование этнического состава населения Белгородской области (часть первая: XIX век – середина XX столетия) / В.В. Бубликов, В.В. Маркова // Научные ведомости. – 2013. – №23 (166). – Вып. 26. – 270 с.
2. Валукинский И.В. Жилище, утварь у крестьян // По нашему краю. Очерки по природе, быту, хозяйству и культуре Воронежского и Острогожского округов Центрально-Черноземной области. – Воронеж: Коммуна, 1929. – 147 с.
3. Винников А.З. Локально-этнографические группы в составе южнорусского населения Воронежского края / А.З. Винников, В.И. Дынин, С.П. Толкачева // Вестник ВГУ. – 2004. – 187 с.
4. Дом как образ мира. Славянский мир // Историко-культурное издание. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001. – 443 с.
5. Летопись населенных пунктов Красногвардейского района: краеведческие очерки и историческая хроника. – Белгород, 2016. – 196 с.
6. Мильков Ф.Н. Полевые дневники (Воронежский период): маршруты 1952 года (из личного архива). Ч. 2 // Вестник ВГУ. – 2005. – №1. – 127 с.
7. Поликарпов Ф.И. Этнографический состав населения // По нашему краю. Очерки по природе, быту, хозяйству и культуре Воронежского и Острогожского округов Центрально-Черноземной области. – Воронеж: Коммуна, 1929. – 147 с.
8. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.П. Н. Тенишева (на примере Владимирской

губернии) / Авторы-сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Кисилева. – СПб.: Европейского Дома, 1993. –445 с.